

ПЕРЕХОДНОСТИ-НЕПЕРЕХОДНОСТИ КАТЕГОРИЯ

Авторы: Ю. П. Князев

ПЕРЕХОДНОСТИ-НЕПЕРЕХОДНОСТИ КАТЕГОРИЯ (транзитивности-интранзитивности категория), [категория языковая](#), в основе которой лежит противопоставление непереходных форм и конструкций, обозначающих ситуации с одним участником ([актантом](#)), типа «Мальчик бежит» или «Мальчик спит» переходным формам и конструкциям, обозначающим ситуации с двумя участниками, один из которых (субъект) своими действиями изменяет состояние или свойства другого участника ситуации – объекта этого действия («Мальчик сломал игрушку»).

П.-н. к. играет значит. роль в совр. грамматич. теории. С одной стороны, на этой категории базируется выделение осн. [семантических ролей](#), прежде всего ролей агенса – активного, наделённого волей и сознанием участника ситуации, расходующего собств. энергию в процессе деятельности, и пациенса – пассивного, обычно неодуш. участника ситуации, являющегося точкой приложения усилий агенса [«Старик (агенса) срубил дерево (пациенса)»]. Семант. роли агенса обычно соответствует синтаксич. функция [подлежащего](#), а роли пациенса – функция прямого [дополнения](#). Если глагол имеет неск. моделей [управления](#), то прямым дополнением в форме вин. п. без предлога обозначается тот участник ситуации, который, по мнению говорящего, в большей мере затронут данным действием; ср. различие между «Обмотать шею шарфом» и «Обмотать шарф вокруг шеи».

С др. стороны, различия в грамматич. оформлении перех. и неперех. конструкций – одно из оснований для типологич. характеристики языков мира (см. [Типология лингвистическая](#)). В рус. языке, как и во многих др. языках, подлежащее перех. и неперех. конструкции выражается одной и той же формой им. п. (номинатива), а прямое дополнение – формой вин. п. (аккузатива) без предлога [ср. «Мать (им. п.)

разбила чашку (вин. п.)» – «Чашка (им. п.) разбилась»]. Такие языки называют аккузативными, номинативными или номинативно-аккузативными (см. [Номинативный строй](#)). Широко распространены и эргативные языки (см. [Эргативный строй](#), [Пассив](#)), в которых единственный участник неперех. конструкции грамматически отождествляется с пациенсом перех. конструкции (обозначающий эти роли падеж называют абсолютивом), а агенс перех. конструкции обозначается особым эргативным падежом. Напр., в [арчинском языке](#): *Dija* (абсолютив) *wakdi* 'Отец (номинатив) ушёл'; *Viwa* (абсолютив) *dakdi* 'Мать (номинатив) ушла'; *Viwamu* (эргатив) *dija* (абсолютив) *owka* 'Мать (номинатив) привела отца (аккузатив)'. Выделяют языки и др. типов, в которых П.-н. к. имеет существенно меньшую значимость (см. [Активный строй](#)).

В рамках П.-н. к. различают синтаксический и семантический аспекты, которые не всегда дублируют один другой. Так, возвратный глагол «мыться», в отличие от исходного невозвратного глагола «мыть», является синтаксически непереходным, т. к. он не сочетается с прямым дополнением, но остаётся семантически переходным, поскольку обозначаемое им действие по своей природе предполагает наличие внешнего объекта, хотя в данном случае в качестве объекта, на который оно направлено, выступает сам субъект. Семантически переходными являются и синтаксически непереходные (косвенно-переходные) конструкции типа «управлять кораблём (тв. п.)», «заботиться о ребёнке (предл. п.)», «помогать брату (дат. п.)». Противоположный случай – синтаксически перех. конструкции типа «пройти километр», «ждать (прождать) всё утро», «весить тонну», в которых существительное в беспредложном вин. п. обозначает меру длительности действия, пройденное расстояние и др. количественные параметры, что обычно рассматривается как [обстоятельство](#) меры, а не как прямое дополнение, т. е. глаголы в подобных конструкциях не всегда считаются семантически переходными.

Согласно представлениям о П.-н. к., высказанным П. Хоппером и С. Томпсон (1980), допускается возможность выделения разных степеней переходности в зависимости от степени активности субъекта действия, полноты охваченности объекта этим действием, конкретности или обобщённости объекта, реальности или ирреальности самого действия и т. д. С этой точки зрения, конструкции, обозначающие ситуации, в которых объект подвергается реальному физич. воздействию («рубить дерево»,

«красить забор», «мыть посуду»), являются более переходными, чем конструкции, обозначающие ментальные или эмоциональные состояния, которые возникают у одуш. субъекта под влиянием внешнего стимула («слышать шаги», «видеть надпись», «понимать других», «любить сына»), а рус. конструкции с прямым дополнением в беспредложном род. п. с дополнит. значением части или неопределённого количества («выпил молока») или при отрицании («не пил молока») менее переходны, чем конструкции с прямым дополнением в беспредложном вин. п. («выпил молоко»).

Помимо глаголов, у которых переходность (непереходность) является постоянным свойством, во многих языках существуют и лабильные (амбитранзитивные) глаголы, допускающие оба употребления без изменения формы. К ним относятся прежде всего допускающие абсолютивные (синтаксически непереходные) употребления перех. глаголы, прямой объект которых опущен в силу его несущественности, очевидности, неопределённости и т. п. [«Не мешайте ему, он читает»; «Он читает только по вечерам»; «Ребёнок уже читает» (в значении 'умеет читать')]. В др. случаях лабильный глагол, употреблённый в перех. значении, отличается от лабильного глагола в неперех. значении тем, что в конструкции с ним предполагается указание на дополнит. участника со значением агенса или причины [«С крыши капнула (непереходность) капля воды» – «Я капнул (переходность) немного лекарства в стакан»; англ. The horse jumped (непереходность) over the fence 'Лошадь перепрыгнула через изгородь' – He jumped (переходность) the horse over the fence 'Он перепрыгнул на лошади (букв. – перепрыгнул лошадь) через изгородь'; I broke (переходность) a cup 'Я разбил чашку' – The cup broke (непереходность) 'Чашка разбилась'. Такое значение называют каузативным (от лат. causa 'причина'). Распространены и окказиональные каузативные употребления неперех. глаголов [«Куда я попал (непереходность)? Куда меня попали (переходность)? Что это?.. Москва?.. Париж?? Нью-Йорк?!» (В. В. Маяковский); англ. They are going to disappear (переходность) him (Дж. Хеллер) 'Они хотят, чтобы он исчез' (букв. – Они собираются исчезнуть его)].

Среди др. языковых категорий с П.-н. к. теснее всего взаимодействует пассив, поскольку он образуется прежде всего, хотя и не исключительно, от перех. глаголов, причём прямое дополнение активной конструкции продвигается в пассивной конструкции в позицию подлежащего, которое, в свою очередь, либо становится косв.

дополнением в тв. п., либо вообще «остаётся за кадром» [«Эту книгу издаёт (издал) Сабашников» – «Эта книга издаётся (издана) Сабашниковым» («Эта книга издана»)]. Т. о., пассивная конструкция оказывается синтаксически непереходной. При этом наличие у глагола формы пассива может зависеть от степени семант. переходности этого глагола. Так, глагол «хранить» в предложении «Деньги обычно хранят в банке», где он обозначает ситуацию, предполагающую контроль со стороны субъекта, допускает пассивизацию («Деньги обычно хранятся в банке»), а тот же глагол в предложении «Хранили многие страницы / Отметку резкую ногтей» (А. С. Пушкин), где на первый план выступают идеи существования и местонахождения, – не допускает.

Если для пассива характерно повышение синтаксич. и коммуникативного статуса прямого объекта, то обратное этому семантико-синтаксич. преобразование – антипассивизация (интранзитивизация) – предполагает понижение статуса прямого объекта. Термин «антипассив» первоначально использовался лишь по отношению к эргативным языкам, где антипассивизация может сопровождаться изменением падежной маркировки агенса, поскольку в эргативных языках его грамматич. оформление зависит от П.-н. к., однако антипассив находят и в аккумулятивных языках. Напр., в рус. языке примерами антипассива считают, с одной стороны, конструкции типа «швырять камнями», существующие на фоне прямопереходных конструкций типа «швырять камни», а с др. стороны, те разновидности возвратных глаголов, в которых референт подлежащего не затрагивается обозначаемым действием, в частности глаголы, которые называют активно-безобъектными [«От съеденных арбуза и дыни во рту был неприятный, металлический вкус. К тому же ещё кусались блохи» (А. П. Чехов); «– Но твоё колдовское пламя не освещает, – царь потянулся к огню и тотчас же отдёргнул руку, – хотя и жжётся» (Е. И. Парнов)].

Состав перех. глаголов не полностью совпадает в разл. языках. Так, рус. глагол «благодарить» – переходный («благодарить брата»), а его, напр., нем. эквивалент управляет дат. падежом [Er dankt dem Bruder (букв. – Он благодарит брату)], и наоборот, нем. перех. глаголам helfen 'помогать' или stören 'мешать' в рус. языке соответствуют глаголы, управляющие дат. падежом («помогать, мешать брату»). Др. пример – конструкции с объектом, обозначающим часть тела, который в рус. языке

часто выражается тв. падежом, а в англ. языке является прямым дополнением; напр., The dog wagged its tail 'Собака виляла хвостом' (букв. – Собака виляла свой хвост). Проявление П.-н. к. в отношении определённых глаголов может меняться и в отд. языках. Напр., в рус. языке беспредложный вин. п. объекта со значением содержания («утверждать что-то», «доказать что-то») с 1960-х гг. активно замещается предложно-падежной конструкцией «о + предл. п.» («утверждать о чём-то», «доказать о чём-то»). Во всех этих случаях колебания затрагивают конструкции с относительно низкой степенью переходности.

Литература

Лит.: Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56; Tsunoda T. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 21; Джустини-Фичи Ф. Объект и транзитивность // *Логический анализ языка*. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991; Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992; Causatives and transitivity. Amst.; Phil., 1993; Testelec Ya. On two parameters of transitivity // *Typology of verbal categories*. Tüb., 1999; Tense-aspect, transitivity and causativity. Amst.; Phil., 1999; Changing valency: case studies in transitivity. Camb., 2000; Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001; Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003; Lazard G. Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research // *Folia Linguistica*. 2003. Vol. 36; Nichols J., Peterson D., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology*. 2004. Vol. 8; Studies on case, valency and transitivity. Amst., 2006; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. 4-е изд. М., 2009.